

Коломиец О. П., Нувано В. Н.

ЧУКОТСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать один из важнейших этапов развития оленеводства на Чукотке. Хронологические рамки исследования датируются концом XIX – первой половиной XX в. Этот период вызывает особый исследовательский интерес в связи с тем, что на рубеже XIX – XX вв. и вплоть до первой трети XX в. чукотское оленеводство развивалось на традиционной основе. Затем под влиянием политических и экономических изменений происходит ломка традиционного хозяйствования в среде коренных жителей Северо-Востока. В работе приводятся статистические данные о численности оленьих стад в разные годы, описания мест кочевания отдельных групп оленеводов, информация о процессе перевода кочевого населения на оседлость. Со сменой хозяйственного уклада в первую очередь стали изменяться общественные отношения в среде оленеводов. При этом новые принципы районирования и организации оленеводческих хозяйств, как правило, не увязывали с традиционной системой природопользования и семейно-родственных связей. Такое серьезное вмешательство в сложившуюся веками культуру привело к существенным изменениям образа жизни чукотских оленеводов, смене системы ценностей, значительным социокультурным сдвигам, которые привели к регрессирующим результатам. Авторы рассматривают один из драматичных эпизодов в истории страны – коллективизацию, особенности ее проведения и последствия для оленеводческого населения Чукотки. В работе используется широкий круг источников и литературы – архивные материалы, устные свидетельства (воспоминания коренных жителей Чукотки), полевые заметки, отчеты и труды партийных работников, землеустроителей, историков, этнографов, и других ученых.

Ключевые слова: *коренные народы Чукотки, чукчи, традиционное оленеводство, кочевые маршруты, кочевая культура, коллективизация, создание колхозной системы.*

В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать один из важнейших этапов развития оленеводства на Чукотке. Хронологические рамки исследования ограничены концом XIX – первой половиной XX в. Этот период вызывает особый исследовательский интерес в связи с тем, что на рубеже XIX – XX вв. и вплоть до первой трети XX в. чукотское оленеводство развивалось на традиционной основе, а затем под влиянием политических и экономических изменений происходит резкая трансформация и ломка традиционного хозяйствования в среде коренных жителей Северо-Востока. Такое серьезное вмешательство в сложившуюся веками систему природопользования привело к существенным изменениям образа жизни чукотских оленеводов, смене системы ценностей, значительным социальным последствиям.

Для подготовки данной работы были использованы несколько групп источников. Литературные источники – опубликованные работы дореволюционных исследователей и путешественников, в которых дается описание традиционного хозяйственного уклада аборигенов Чукотки – А. А. Ресина, А. В. Олсуфьева, В. Г. Богораз-Тана и др. (Ресин, 1888: 46–57; Олсуфьев, 1896: 120–125; Богораз-Тан, 1931: 142–154), материалы комплексных экспедиций биологов, географов, землеустроителей (Орловский, 1928; Материалы... 1938; Обручев, 1974; Васильев, 1936; Друри, 1936, 1989; Устинов, 1956, 1969), а также труды советских и российских историков и этнографов (Архинчеев, 1957; Кузнецова, 1957; Вдовин, 1962; Леонтьев, 1969; Гарусов, 1967; Гарусов, 1981; Вольфсон, 1991; Нувано. 2004; Хаховская, 2011, 2014).

Вторую группу источников составляют воспоминания коренных жителей Чукотки, записанные учеными-этнографами в разные годы (Крупник, Вахтин, 1996; Омрытхэут, 1997, 2008; Нувано, 2008), а также опубликованные материалы участников коллективизации (Андронов, 2008; Задорин, 2008; Шарыпова, 2017).

Третья группа источников – массив документов, хранящихся в фондах Государственного архива Чукотского автономного округа. Документальный корпус представлен полевыми производственными дневниками, отчетами и очерками о полевом обследовании оленьих пастбищ, годовыми планами и отчетами колхозов и совхозов на территории Чукотки (ГА ЧАО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 6).

Чукотское хозяйство имело комплексный характер с выделением групп, ориентированных преимущественно на оленеводство, на добычу диких оленей или на морской зверобойный промысел (тюленей, китов, моржей). Вспомогательную роль играли собирательство, рыболовство, охота на дичь и диких животных (горных баранов, лосей, медведей, росомах, волков, лисиц, песцов). Комплексная хозяйственная деятельность и возможность при необходимости переходить от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, в зависимости от конкретной экологической и социальной обстановки, делали чукчей весьма устойчивыми и приспособляемыми по отношению к внешним неблагоприятным воздействиям (Зуев, 2009: 28).

В науке сложилось мнение, что наиболее вероятным местом приручения северного оленя было Саяно-Алтайское нагорье (Помишин, 1990: 24). Транспортное мелкостадное оленеводство распространялось с юга (с Саяно-Алтайского центра доместикации) самодийцами, когда как чукчи и коряки переняли оленеводство несколькими веками позже через древних тунгусов (Крупник, 1989: 146). Однако некоторые исследователи опровергали тунгусское влияние и придерживались теории самостоятельности одомашнивания северных оленей на северо-востоке Евразии. Многие ученые-североведы начала – середины XX в. (В. Г. Богораз, И. С. Вдовин, Н. Н. Диков, Ю. Б. Симченко) – сторонники гипотезы самостоятельного становления чукотско-корякского оленеводства (Вольфсон, 1991: 60). Так, В. Г. Богораз ссылаясь на фольклор чукчей, отмечал, что древнейшим видом чукотского хозяйства является комплекс оленеводства и морзвербойного промысла (Тан-Богораз, 1930: 69). А. Г. Вольфсон поддерживал теорию самостоятельного центра доместикации северного оленя на Чукотке. Он считал, что предки чукчей и коряков были пионерами одомашнивания оленей на Северо-Востоке (Вольфсон, 1991: 20). В легендах, записанных В. Н. Нувано в с. Ваеги Анадырского района имеются подтверждения древних корней чукотского оленеводства: «Сын Тынантомгына (Творца) Пичвучьын, прогуливаясь по берегу моря, пнул прибрежную гальку, и камни превратились в диких оленей (*ылвет*). Увидев их, Тынантомгын сказал сыну, что таких красивых быстроногих оленей не смогут содержать люди и из гладколистой ивы (*лыгумкуум*) создал домашних оленей (*лыгэкаат*). С тех пор хозяином «дикарей» остается Пичвучьын, а домашних оленей содержат люди» (ПМА). О древности чукотского оленеводства говорит терминология современных чукотских оленеводов. Например, чукотское слово *к'ончен'кор* обозначает оленя – манщика для охоты на диких оленей (ПМА). Для дикого оленя в чукотском языке существует другое название – *ылвылю* (основа *ылв* – «дикий олень»). Теленок – самка домашнего оленя – *ычв-эк* – дословно переводится как «дикого оленя сын» (Куликова, 2016: 21).

Так же, свидетельством самостоятельности чукотско-корякской системы оленеводства может быть хозяйственный комплекс чукчей и коряков, значительно отличающийся от оленеводческого комплекса других народов. Один из важнейших элементов традиционного хозяйства – двуполозные сани – нарты. Например, у чукотско-корякских нартов особая конструкция: большинство соединений шарнирного типа, скрепленных с помощью сыромятных ремней, а сочленения нартов других оленеводческих народов жесткого типа, при котором штырь копыла плотно входит в паз полоза. Чукотская нарта приспособлена к пересеченной местности, так как практически вся территория Чукотки и Камчатки является среднегорной страной. На нарте имеется даже специальный тормоз (*явъяренан'*) для спуска упряжки с крутого склона. Кроме того, оленеводы, придерживающиеся чукотско-корякской системы, не использовали оленегонных собак, и даже когда в 1950-е гг. они были завезены на Чукотку, использовали их ограниченно.

До XVII в. оленеводство на Чукотском полуострове было распространено лишь у незначительной части чукчей и напоминало нганасанский тип транспортного оленеводства. Оно обеспечивало промысловое хозяйство охотников на диких оленей (Сыроечковский, 1986: 62). Чукчи были расселены в границах современных Чукотского, Провиденского и Шмидтовского районов Чукотского автономного округа. А. Г. Вольфсон предполагал, что в силу климатических факторов, эпизоотий, роста численности диких оленей, эпидемий среди населения, периоды бурного роста оленеводства и следующие за ними спады неоднократно возникали то в одной, то в другой части обширной территории Северо-Востока на протяжении всей истории оленеводства (Вольфсон, 1991: 62).

В середине XVIII в. наступил благоприятный цикл для чукчей-оленеводов. В XIX в. кочевки оленных чукчей расширились, достигли севера Камчатки. На западе они заняли Восточно-Колымскую тундру, вплоть до реки Колыма и продвинулись к южным границам Гижигинского округа. В конце XIX в. чукчи перешли Колыму и кочевали в междуречье Алазеи и Индигирки (История, 1987: 57). Уже к концу XIX в. оленеводство на Чукотке приобрело черты товарной отрасли, оленину стали вывозить на Аляску.

Типы оленеводческих хозяйств. До установления Советской власти на Чукотке, существовало три основных типа оленеводческих хозяйств:

Первый тип – беднейшие группы оленеводов, во главе которых стоял бедняк. Стада такого стойбища составляли несколько десятков оленей. Обычно доход от оленеводства в таких хозяйствах составлял 30–40%, от пушного промысла – 40–50%. Так же существовало две формы собственности на землю и оленей. При этом земля являлась их коллективной собственностью. Олени были в частной собственности отдельных хозяев стойбища, продукция и приплод принадлежали только их владельцам. Эти беднейшие группы оленеводов были независимы и самостоятельны, при этом представляли собой своеобразный резерв рабочей силы, регулярно используемый крупными оленеводами (Гарусов, 1981: 10). Так как маленькие стада значительно труднее пасти, обычно несколько бедных семей соединялись на лето и образовывали большое стадо с достаточным количеством пастухов. (Богораз, 1991: 20–21).

Второй тип хозяйств состоял из среднемошных групп оленеводов. Стада этих стойбищ достигали 300–400 голов оленей. В таких хозяйствах оленеводство давало семьям основной доход. Существовало две формы собственности, аналогичных с хозяйствами первого типа. Такие стойбища сами применяли чужую рабочую силу и передавали её в хозяйства крупного оленевода.

Третий тип – хозяйство крупного оленевода. Во главе стоял владелец крупного стада, использующий труд безоленных и бедных оленеводов из стойбищ первого и второго типов. В таких хозяйствах имелось 3–4 тысячи голов оленей. В структуре доходов основная часть (около 80%) приходилась на оленеводство (Гарусов, 1981: 11). Богатые оленеводы были не в состоянии пасти своих многочисленных оленей силами своей семьи и поэтому нуждались в помощниках из числа малооленных и безоленных групп (Богораз, 2011: 142). Многие бедные семьи, особенно из тех, которые желали обзавестись самостоятельным стадом, поступали в услужение к одному из богатых соседей на несколько лет (Богораз, 1991: 20–21).

Оленеводческие хозяйства таких типов, занимающие различные по экологическим условиям территории, обеспечивали равномерное распределение на экосистему пастбищ, что позволяло содержать на территории Чукотки в 20-е гг. XX в. до 556,9 тыс. голов домашних оленей (История... 1989: 211).

По мнению В. Г. Богораза до установления Советской власти на Чукотке определенных прав на пастбища у оленных чукчей не существовало. Они имели свободу и возможность перекочевывать со своим стадом на большие расстояния (Богораз, 1931: 152). Советские исследователи подтверждали этот факт. Все авторы единодушно отмечали, что оленеводы на лето отгоняли свои стада к морю или к высоким горным хребтам, т.е. на обдуваемые, более прохладные места, а к зиме стремились в континентальную часть, не подверженную гололедице,

на тихие безветренные места (Орловский, 1928; Васильев, 1936; Друри, 1936; Вдовин, 1962; Материалы по землеустройству Крайнего Севера, 1938).

Коллективизация и ее особенности. В 1930-х гг. на Чукотке началась коллективизация, завершившаяся в начале 1950-х гг. Этот этап в истории региона и страны в целом был сложным и болезненным.

В порядке подготовки к коллективизации чукчей Чаунского района, Комитет Севера в 1933 г. поручил И. С. Архинчеву исследовать социально-экономические отношения чаунских чукчей и разработать конкретные методы социальной реконструкции этих отношений. И. С. Архинчев пробыл у чаунских чукчей около трех лет, и собрал обширный материал по социальному строю, материальной и духовной культуре этой этно-территориальной группы. Особый интерес вызвали у исследователя крупные многолюдные хозяйства типа большой семьи и стойбищные объединения, сочетавшие и многооленные и малооленные хозяйства (Сергеев, 1957: 39).

И. С. Архинчев описал типичное стойбище крупного оленевода Вуатагина, который в молодости был бедняком, но благодаря своему усердию и мастерству стал обладателем большого стада. Со временем сыновья Вуатагина обзавелись семьями, отделились с частями общесемейного стада и с помощью «товарищей по стойбищу» образовали самостоятельные хозяйства-стойбища. К советской власти Вуатагин относился в высшей степени лояльно, но был лишен избирательных прав, так как формально был крупным оленеводом, эксплуатирующим бедняков. Однако основными работниками при его стаде была его семья из 10 человек, из которых работоспособных 5 человек, и лишь один 19-летний юноша из чужой семьи активно помогал в выпасе стада. При этом 22 человека фактически находились на иждивении. И. С. Архинчев и секретарь Ичуньского туземного совета И. С. Вдовин отмечали, что по действующему чукотскому обычаю владелец стада должен содержать все семьи бедняков соседей. Например, Вуатагин вместо 3 оленей, которых он должен по договору забивать для бедняка Итылякая (отец 19-летнего пастуха), забивал каждый месяц 6 оленей, т.е. по одному оленю на каждого члена семьи. По заключению И. С. Архинчева, развитие хозяйства оленевода Вуатагина представлял собой классический пример эволюции чукотского оленеводства (Архинчев, 1957: 64–67).

Кооперирование в оленеводческой среде шло очень неравномерно и с большими трудностями. И. С. Вдовин писал: «Медленнее и значительно сложнее шло создание коллективных хозяйств у оленеводов, у которых существовало резкое имущественное неравенство. Многие бедняки – оленеводы на первых порах не решались оторваться от богатых стадовладельцев, от которых они зависели материально. Сказывалась и известная настороженность, и недоверие к новым формам организации хозяйства, к ломке привычного, веками сложившегося уклада жизни. Известную роль в этом отношении играла агитация богатых стадовладельцев, настроенных против коллективизации» (История и культура, 1987: 162).

На начальном этапе коллективизации в организуемые артели вступали главным образом экономически маломощные хозяйства: их привлекала возможность получать помощь государства. Такие хозяйства, созданные ради потребления, а не ради производства, существовали формально, легко распадались (Хаховская, 2011: 113). Первый оленеводческий совхоз фактически лишь в 1932 г. вышел из стадии организации, и в том же году возникли первые оленеводческие колхозы (Друри, 1936: 105).

И. В. Друри в числе других специалистов стоял у истоков организации первых оленеводческих хозяйств. В своих воспоминаниях он писал, что основные трудности были связаны с покупкой живых оленей. В 1928 г. из запланированных 10 тысяч голов «путем обещаний обмена на крайне дефицитные в то время медные котлы и чайники, нарезное оружие, патроны, бинокли, на табак, чай и другие товары два богатых оленевода Танатхиргин и Тыменпеляу согласились продать по 100 важенков каждый, рассчитывая с помощью такой сделки удачно

торговать приобретенными товарами с дальними кочевниками». Все усилия по закупке животных оказывались безуспешными. Обычно отказ мотивировался просто: «это грех, чаам». Руководство Акционерного Камчатского общества обязывало приобрести до 40 тыс. оленей, а И. В. Друри с коллегами к зиме 1932 г. располагали только стадом в 236 важенок с приплодом за 1930–1931 гг. (Друри, 1989: 7–9).

На 1 апреля 1932 г. на Чукотке было образовано всего 9 оленеводческих товариществ. В 1933 г. было 10 оленеводческих колхозов, имевших всего 16 680 оленей. Материальное положение в них было хуже, чем в единоличных оленеводческих хозяйствах. Крупные оленеводы отказывались продавать животных, откочевывали в труднодоступные районы, угоняя стада. Одной из форм сопротивления коллективизации стал массовый забой оленей. поголовье оленей значительно сократилось (556,9 тыс. голов – 1926–1927 гг., 427,4 тыс. голов – 1934 г.) (История Чукотки, 1989: 175, 211).

В этот период вводились «твердые задания» единоличным хозяйствам оленеводов, рыболовов и охотников по продаже живых оленей и пушнины, по транспортным работам и т.д., что привело к подрыву основных отраслей северного хозяйства. И. С. Архинчеев писал: «Все “твердосдатчики” чукчи-олeneводцы обязаны сдать оленсырье, но в каких несообразных размерах. Чукча-олeneвод Амруш был твердо обязан сдать разных оленьих меховых шкур 873 штуки, имея всего 369 голов оленей разных возрастов, т.е. более двух шкур с каждого оленя» (Архинчеев, 1957: 84). В Марковском районе по настоянию уполномоченного райисполкома, никто не имел право иметь личных оленей, все поголовье было объявлено колхозным (Гарусов, 1981: 80).

В 1934 г. окружком ВКП (б) признал необоснованной и преждевременной проводимую политику раскулачивания. Был принят Устав сельхозартелей, целью которого провозглашалось сочетание общественных интересов и личных потребностей членов артелей. Но в 1939 г. вновь возобновилась политика раскулачивания (История Чукотки, 1989: 212–215).

По сравнению с другими оленеводческими районами страны, темпы социалистических преобразований оленеводческого хозяйства на Чукотке были невысокими. Так, в 1938 г. в оленеводстве Чукотки было занято 1629 чел. Из них колхозники составляли 359 чел., которые имели в общем хозяйстве и в личной собственности 41 тыс. оленей, а у 1270 единоличников было почти 323 тыс. оленей (Гарусов, 1981: 100). К концу 1940 г. обобщественное стадо оленей в округе составляло лишь 8,7% от общего поголовья (в других районах – свыше 50%). Общая численность оленей в округе с 1933 по 1940 г. выросла лишь на 2,16% (по всему СССР на 32,4%) (История... 1987: 168). Такие результаты объясняются низкой культурой ведения хозяйства, слабостью организации колхозного уклада, невозможностью в столь сжатые сроки резко изменить отношение оленеводов и приспособиться к новым формам труда. Изменившийся характер труда пастухов привел к тому, что многие колхозники не вырабатывали необходимый минимум трудодней, и, соответственно, оставались без заработной платы. Так, в образованном в 1940 г. колхозе «Полярная звезда» Марковского района оплата пастухам была начислена только в 1946 г. в сумме 2870 руб., тогда как доплата председателю ежегодно составляла от 2 400 до 3 780 руб. В 1949 г. пастухам было начислено 5 600 руб., однако денежные средства были выплачены специалистам по строительству. По трудодням было определено к выдаче колхозникам в 1947 г. – 193 316,54 руб., в 1948 – 165 940,54 руб., 1949 г. – 196 750,47 руб. (ГА ЧАО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 6.). По воспоминаниям Т. В. Кейнеут (умерла в 2000 г.), контора колхоза таинственным образом сгорела, и, соответственно, сгорели данные по трудодням (ПМА).

Борьба с кулачеством. Политика партии по отношению к крупным оленеводам была такой же, как и к кулакам Дальнего Востока, Сибири и европейской деревни: изоляция, ограничение, вытеснение и полная ликвидация на основе сплошной коллективизации (Гарусов, 1967: 57). Раскулачивания и изгнание из колхозов кулаков имели крайне негативные последствия на развитие колхозного движения. Так, к числу кулаков и подкулачников было отнесено

и лишено права голоса 37% населения Восточно-Тундровского района Чукотки. Подобный процесс охватил и другие районы Чукотки. В результате оленеводы вновь стали выходить из товариществ (История... 1987: 215). Значительная часть кочевников по-прежнему скрывалась в тундре от Советской власти. Представитель районных властей В. М. Балдаев писал: «В богатых кормами и дичью местах на границе Марковского района Чукотского национального округа и Корякии издавна кочевала вилюнейская группа чукчей-олeneводоов. Среди них было немало крупных стадовладельцев, а значит, по социальной терминологии того времени числились они кулаками. До войны они удачно уходили от коллективизации: только нащупают их эмиссары со стороны Чукотки, они уйдут года на два в Корякию. Там начинают прижимать – снова на Чукотку. Этаким своеобразный, правда, вполне мирный партизанский прием» (Шарыпова, 2017: 81).

Жители села Ваеги – очевидцы драматичных событий, связанных с коллективизацией и раскулачиванием на Чукотке, вспоминали, что в 1940 г. был арестован и вывезен в поселок Анадырь крупный оленевод ваежско-хатырской тундры вилюнейский чукча Гемавье, где он покончил с собой. В последующем его трех сыновей убили, а их стада были изъяты и переданы в колхозы (Омрытхэут, 2008: 92; Нувано, 2008: 87). Процесс коллективизации на Чукотке был сложен и противоречив, в основном из-за ошибок и так называемых «перегибов», вызванных бездумным перенесением политики классовой борьбы на Чукотку, из-за невнимания к специфике уклада жизни оленеводов.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. партийные и советские органы округа и области поставили задачу полностью завершить коллективизацию на Чукотке. У последних единоличников Осиновской, Мухоморненской, Амгуэмской и Канчаланской тундр было изъято оленепоголовье и передано в колхозы, а их хозяева были арестованы (Андронов, 2008: 102–103).

Нежелание вступать в колхоз, а порой активное сопротивление происходили не только по инициативе зажиточных оленеводов, но и по вине партийных работников и руководителей колхозов. В 1940-х гг., по воспоминаниям старожилов, в колхозе «Полярная звезда» Марковского района запрещался забой личных оленей на питание. Население голодало. При этом начальство изо всех сил пыталось поддерживать самые высокие показатели. Председателем колхоза был Александр Алин (чукчи называли его *Санькайнын* «большой Санька»), которого характеризовали как человека грубого, малообразованного, не обладающего организаторскими способностями (Задорин, 2011: 21). По воспоминаниям С. В. Кутына (умер в 2008 г.), председатель снаряжал целые экспедиции, приказным порядком брал молодых оленеводов, которые из с. Березово несли туши оленей в с. Марково для его родственников. Из-за тяжелой жизни были случаи массовых самоубийств (ПМА).

В Чаунском районе есть речка с названием *Рычван* (в переводе с чук. «личинка овода»). Название реке было дано по имени стадовладельца Рычвана, который не сумел приспособиться к новой жизни, когда у него и у его брата забрали оленей. Они посчитали, что у них не осталось смысла жить дальше и убили себя (ПМА).

В 1949 г. в с. Березово вспыхнул мятеж. Он был вызван тем, что оленеводам не выплачивалась зарплата, не начислялись трудовни, люди голодали. После его подавления все участники были арестованы. Многие умерли, некоторые вернулись из тюрем и ссылок только в 1960-х гг., жили в с. Марково, Чуванское (Омрытхэут, 2008; Нувано, 2008). Об этих событиях упоминал И. С. Гарусов (Гарусов, 1981: 131). Историк писал о проблеме раскулачивания в духе своего времени, участники событий были представлены врагами народа, саботажниками и преступниками.

Изменения технологии выпаса домашних оленей. Оленеводы были хорошо приспособлены к природным условиям Чукотки. До коллективизации большинство оленеводов зимой оставляли побережье и со своими стадами откочевывали в континентальную часть на границу с лесом, менее подверженную гололедам. Летовья стад были более или менее постоянны и

привязаны к морю или хребтам, где постоянные ветры и поздно тающие снега создают благоприятные условия летовки в отношении меньшего распространения комара, мошки и оводов (Друри, 1936: 107).

Однако, первые землеустроительные экспедиции на Чукотке усмотрели недостатки в традиционной системе оленеводства. В материалах Землеустроительной экспедиции Наркомзема 1932 г. указано, что «пастбища использовались бессистемно, при маршрутах кочевания в ства того времени являлись нарушителями правил землепользования, совершали стихийные самозахваты земли. Но для чукотских оленеводов земля была их коллективной собственностью. При этом, они довольно строго придерживались маршрутов движения своих стад в соответствии с родовыми территориями. В исключительных случаях оленеводы могли оказаться на любой другой территории, регулируя отношения обычным правом.

При проведении первоначального землеустройства ставилась задача ликвидировать бессистемность и нерациональное использование угодий, сократить пути кочевания, приблизив население к культурным и экономическим центрам, отвести пастбищные угодья на расстояние не более 100–150 км от жилья, создав предпосылки перехода кочевых колхозов на оседлый образ жизни, путем устройства их около водных путей сообщения (Материалы... 1938).

Работы по землеустройству оленьих пастбищ фактически упразднили традиционные кочевые маршруты оленеводов. В 1950-х гг. были выделены несколько природно-производственных комплексов (ППК): Восточно-Тундровский, Марковский, Чаунский, Анадырский, Чукотский. При этом, природно-производственное районирование еще не стало жесткой системой. На стыках границ, где у оленеводов были общие интересы, имелись переходные зоны. Подобное использование соседних пастбищ оленеводами различных хозяйств традиционно практиковалось и до коллективизации (Комоедов, 1983: 35).

Модернизация оленеводства. В 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (История... 1989: 302). По сути, это постановление дало толчок к дальнейшей модернизации оленеводческой отрасли. За гибель оленей от стихийных бедствий через систему Госстраха стали выплачивать компенсации. Началось масштабное техническое переоснащение колхозов (в бригадах появились тракторы, вездеходы, дизельные установки и т.п.). Но широкое применение в оленеводстве техники при сохранении традиционных методов ведения хозяйства сделало эту отрасль очень дорогой.

В округе была проведена работа по качественному улучшению оленьего стада, его сохранности и увеличению делового выхода телят. Была начата племенная работа в оленеводстве и в хозяйствах округа было организовано 16 племенных стад.

В колхозы стали привлекать для работы квалифицированных специалистов – ветеринаров, зоотехников, экономистов. В конце 1950-х гг. осталась одна нерешенная до конца задача – перевод некоторой части кочевого населения на оседлость, переориентация его на занятие животноводством и земледелием.

В то же время, в конце 1950-х гг. каждое оленеводческое хозяйство было наделено своими границами землепользования, которое юридически и фактически исключали возможность нарушения границ соседних хозяйств даже в тех случаях, когда возникали чрезвычайные обстоятельства. Например, с выделением Беринговского района из состава Анадырского района в 1957 г. оленеводческие хозяйства Анадырского района были не вправе переходить границы района с выходом на морское побережье летом, и наоборот, оленеводы Беринговского района во время гололеда оставались на морском побережье (Комоедов, 1983: 35).

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сказать: в конце XIX в. оленеводство на Чукотке было товарным и крупностадным, при этом в полной мере сохраняя свои традиционные черты (в стойбищах жили полные семьи до четырех поколений, гендерное разделение труда в семье, комплексность и полная автономия хозяйства, уникальный чукотский

хозяйственный оленеводческий цикл, соблюдение оленеводческих обрядов и праздников обязательно для всех членов семьи).

Данные первой Приполярной переписи показали, что чукотское оленеводство в 20-х гг. XX в. держалось на достаточно высоком уровне. Численность оленепоголовья в те годы составляла 559 тыс. голов. На первоначальном этапе коллективизации был взят курс на бездумное изъятие оленей у населения, что привело к значительному уменьшению поголовья до 334 тыс. голов в 1934 г. В последующие годы коллективизации и раскулачивания развитие оленеводства как отрасли народного хозяйства было не значительным.

И только в 1950-х гг. начался подъем показателей в оленеводстве: улучшилось снабжение бригад продуктами питания, стали применять тяжелую технику для перекочевок, улучшилась учетная и селекционная работа. К концу 1958 г. поголовье оленей в округе составляло 384,5 тыс. голов (331,1 тыс. в колхозах и совхозах, 53,4 тыс. – в личной собственности).

В конце 1950-х гг. завершилась сплошная коллективизация в северных регионах России, в ходе которой большая часть частного поголовья домашних оленей коренных народов вместе с пастбищными угодьями была обращена в ранг коллективной, а по существу, государственной собственности. И все же, эти новшества вначале не оказывали существенного влияния на национальное самосознание коренных народов. Чукчи продолжали считать колхозные стада своими личными, в некоторых случаях бригадами становились бывшие владельцы оленьих стад, и весь уклад жизни оставался таким, каким был сотни лет до этого (Задорин, 2008: 127).

Так, в дневниках этнографа В. Г. Кузнецовой есть запись о семейной группе Тымнэнэнтына (описан период с 1948 по 1951 г.). Тымнэнэнтын был председателем первого в Чукотском районе колхоза «Тундровик». По словам Е. А. Михайловой он счастливо сочетал свой продвинутый социальный статус с традиционными ценностями: «Сам старик Тымнэнэнтын является большим приверженцем старины, соблюдения правил и обрядов старины, и в яранге строго поддерживается всякая обрядность, а отступление от нее считается нетерпимым пренебрежительным отношением к чукотским обычаям и пресекаются» (Михайлова, 2015: 29–35). Видимо, до коллективизации Тымнэнэнтын и его братья были владельцами собственных стад и хозяевами стойбищ.

Несмотря на серьезные социальные и политические преобразования на Чукотке, духовная жизнь оленеводов в течение нескольких десятилетий оставалась прежней: «если проследить жизнь оленных чукчей в течение года в том виде, в каком она существовала в прошлом, то оказывается, что не было сезона, в который не справлялся бы тот или иной праздник или обряд» (Кузнецова, 1957: 264). Но в отдаленной перспективе последствия оказались весьма значительными, а порой и необратимыми. Большая часть кочевого населения стала жить в поселках, была переведена на оседлость, традиционный хозяйственный и семейный уклад оленеводов был подорван.

Список литературы

- Андронов Б. М. Коллективизация по-чукотски. 1951–1952 годы // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 102–126.
- Архинчеев И. С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. XXXV. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 43–98.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Богораз В. Г. Чукчи: Социальная организация. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011. – 216 с.
- Богораз-Тан В. Г. Классовое расслоение у чукоч оленеводов // Советская этнография. – 1931. – № 1-2. – С. 93–116.
- Васильев В. Н. Оленьи пастбища Анадырского края // Труды Арктического института. – Л., 1936. – Т. LXII. – С. 9–14.
- Вдовин И. С. Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сборник. – Т. IV. – Изд-во АН СССР, 1962. – С. 153–164.
- Вольфсон А. Г. Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. – 109 с.

- Государственный архив Чукотского автономного округа. – Ф. Р-3. – Оп. 1. Д. 3. – Л. 1, 2, 6.
- Гарусов И. С. О социальной принадлежности крупного оленевода Северо-Востока накануне коллективизации // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан; 1967. – Вып. IV. – С. 52–57.
- Гарусов И. С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917–1952 гг. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1981. – 190 с.
- Друри И. В. Как был создан первый оленесовхоз на Чукотке // Краеведческие записки. – Вып. XVI. – Магадан, 1989. – С. 3–14.
- Друри И. В. Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукоч Анадырского района // Труды Арктического института. – Л., 1936. – Т. LXII. – С. 105–123.
- Задорин В. И. Из истории похода чукчей в коммунизм и обратно // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 127–130.
- Задорин В. И. Коллективизация по-чукотски // Мир Севера. – 2011. – № 1. – С. 20–27.
- Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII века). – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009. – 444 с.
- История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1987. – 287 с.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М.: Мысль, 1989. – 492 с.
- Комоедов А. И. О пространственной организации оленеводства Чукотского автономного округа // Магаданский оленевод. – 1983. – Вып. 35. – С. 34–36.
- Крупник И. И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.
- Крупник И. И., Вахтин Н. Б. Научный отчет по теме «Экологические изменения и народные знания в Сибири и на Аляске (Раздел «Чукотка»).» – СПб., 1996. – 53 с.
- Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. XXXV. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 263–326.
- Олень – в языке, в жизни и в душе чукчей. – СПб.: Издательство «Лемма», 2016. – 214 с.
- Леонтьев В. В. Особенности культурно-хозяйственного развития народностей Чукотки на современном этапе (1958–1967 гг.). Окончательный отчет. – Магадан, 1969. – 300 с. Архив лаборатории истории и экономики (г. Анадырь) СВКНИИ ДВО РАН. Инв. № 838.
- Материалы по землеустройству Крайнего Севера. – Т. II. – Марковский и Анадырский районы Чукотского Округа. – М.: Полиграфкнига, 1938. – 211 с.
- Михайлова Е. А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. – СПб., 2015. – 190 с.
- Нувано В. Н. Трагедия в селах Березово и Ваеги. 1940, 1949 // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 85–90.
- Нувано В. Н. Традиционные маршруты кочевания оленеводов Восточной и Центральной Чукотки // Ориентиры развития Берингии в XXI в. Труды ЧФ СВКНИИ. – Магадан: ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – Вып. 8. – С. 180–190.
- Обручев С. В. По горам и тундрам Чукотки. Экспедиция 1934–1935 гг. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1974. – 239 с.
- Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 245 с.
- Омрытхэут З. Г. Восстание чукотских оленеводов // Литературная Россия. – 1997. – № 30. – С. 11.
- Омрытхэут З. Г. Эхо Березовского восстания. Очевидцы о событиях 1940 и 1949 гг. // Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы. – М.: Институт Наследия, 2008. – С. 91–94.
- ПМА – Полевые материалы авторов.
- Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. – М.: Наука, 1990. – 141 с.
- Орловский П. Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. – 1928. – № 2. – С. 61–70.
- Ресин А. А. Очерк инородцев Русского побережья Тихого Океана. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. – 78 с.
- Сергеев М. А. О статье И. С. Архинчеева «Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства» // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. XXXV, № II. – Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 38–43.
- Сыроечковский Е. Е. Северный олень. – М.: Агропромиздат, 1986. – 256 с.
- Тан-Богораз В. Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север. – 1930. – № 6. – С. 63–79.
- Устинов В. И. Оленеводство Магаданской области. Состояние и перспективы развития. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1969. – 128 с.
- Устинов В. И. Оленеводство на Чукотке. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1956. – 160 с.

Хаховская Л. Н. Оленеводческие хозяйства Чукотки в 1930-х гг.: социальные и этнокультурные трансформации // VIII Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию образования Магаданской области / отв. ред. А. И. Лебединцев. – Магадан: ООО «Типография», 2014. – С. 40–46.

Хаховская Л. Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 112–127.

Шарыпова А. Н. Чукотка – судьба моя. – СПб.: Издательство «Лемма», 2017. – 348 с.

Коломиец О. П., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН.
Ул. Портовая, 16, Магадан, Россия, 685000.

Е
m

Нувано В. Н., научный сотрудник.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН.
Ул. Портовая, 16, Магадан, Россия, 685000.

Е
У

Материал поступил в редакцию 05.10.2017 г.

Р

Е
L

Kolomiets O. P., Nuvano V. N.

V

THE CHUKCHI REINDEER BREEDING IN THE LATE XIX – THE FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

К

П

а

и

е

а

б

к

ф

е

и

к

н

е

а

и

л

а

и

л

ru

This article describes one of the most important stages in the development of the reindeer breeding in Chukotka. The chronological scope of the study dates back to the late XIX – the first half of the XX centuries. This period is of special research interest due to the fact that at the turn of XIX–XX centuries and up to the first third of the XX century the Chukchi reindeer breeding developed on a traditional basis. Then under the influence of the political and economic changes breaking of the traditional management in the environment of the indigenous peoples of the North-East occurred. The paper presents statistical data on the number of deer herds in different years, the descriptions of reindeer herders' roaming places, information about their adoption to the settled way of living. With the economic structure changes social relations in the herders' environment began to change. At the same time the new principles of zoning and organization of deer farms were not linked to the traditional environmental management system and family relationships. A serious interference in the centuries-old culture had led to the significant changes in the Chukchi reindeer herders' lifestyle, changes in the system of values, significant socio-cultural changes that led to the results of regressing. The authors consider one of the dramatic episodes in the history of the country – the period of collectivization, its specific and consequences for the reindeer population of Chukotka. We use a wide range of sources and literature – archival materials, oral evidences (memory of the indigenous people of Chukotka), field notes, records and proceedings of party workers, land managers, historians, anthropologists and other scientists.

Key words: *The indigenous peoples of Chukotka, Chukchi, A traditional reindeer herding, Nomadic routes, Nomadic culture, Collectivization, The creation of the collective farm system.*

References

Andronov B. M. Kollektivizacija po-chukotski. 1951–1952 gody. [The period of collectivization in Chukotka. 1951–1952] // Propoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoraz' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 102–126. (in Russian)

Arhincheev I. S. Materialy dlja harakteristiki social'nyh otnoshenij chukchej v svjazi s socialisticheskoj rekonstrukciej hozjajstva. [The Materials for the characteristics of the Chukchi social relations in connection with the socialist reconstruction of the economy] // Trudy instituta etnografii: Novaya seriya. Sibirskii etnograficheskii sbornik. [The Proceedings of the Institute of Ethnography: New series. The Siberian ethnographic collection]. – T. XXXV. – № II. – M.; L., 1957. – P. 43–98. (in Russian)

Bogoraz V. G. Material'naja kul'tura chukchej. [Material culture Chukchi]. – M.: Nauka, 1991. – 224 p. (in Russian)

- Bogoraz V. G. Chukchi: Social'naja organizacija [The Chukchi. Social organization]. – M.: Knizhnyj dom "LIBRIKOM", 2011. – 216 p. (in Russian)
- Bogoraz-Tan V. G. Klassovoe rassloenie u chukoch olenevodov. [Class stratification at chukoch reindeer breeders] // Sovetskaya etnografiya. [Soviet ethnography]. – 1931. – № 1-2. – P. 93–116. (in Russian)
- Vasil'ev V. N. Olen'i pastbishha Anadyrskogo kraja [Deer grazing in the Anadyr Region] // Trudy Arkticheskogo instituta. [The Proceedings of the Arctic Institute]. – T. LXII. – L., 1936. – P. 9–14. (in Russian)
- Vdovin I. S. Vaegskie chukchi. [The Vaegskie Chukchi] // Trudy instituta etnografii. Sibirskii etnograficheskii sbornik [The Proceedings of the Institute of Ethnography. The Siberian ethnographic collection]. – T. IV. – 1962. – P. 153–164. (in Russian)
- Vol'fson A. G. Proishozhdenie chukotsko-korjakskej kul'tury olenevodstva. [The origin of the Chukchi-Koryak reindeer herding culture]. – Vladivostok: DVO AN SSSR, 1991. – 109 p. (in Russian)
- Gosudarstvennyj arhiv Chukotskogo avtonomnogo okruga. [The State Archive of the Chukotka Autonomous District.]. – The P-3 Fund. – Op. 1. – D.3. – L. 1, 2, 6. (in Russian)
- Garusov I. S. O social'noj prinadlezhnosti krupnogo olenevoda Severo-Vostoka nakanune kollektivizacii. [On the social status of a North East Reindeer on the eve of collectivization] // Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya. [Notes of the Chukchi museum]. – Magadan, 1967. – № IV. – P. 52–57. (in Russian)
- Garusov I. S. Socialisticheskoe pereustrojstvo sel'skogo i promyslovogo hozjajstva Chukotki 1917–1952 gg. [The socialist reorganization of agriculture and fishing economy of Chukotka]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. – 190 p. (in Russian)
- Druri I. V. Kak byl sozdan pervyj olenesovhoz na Chukotke. [As the first was created olenesovkhoz on Chukotka] // Kraevedcheskie zapiski. [Local history notes]. – Magadan, 1989. – № XVI. – P. 3–14. (in Russian)
- Druri I. V. Pastbishnoe hozjajstvo i vypas olenej u chukoch Anadyrskogo rajona. [The Pasture management and deer grazing in the Chukchi Anadyr region]. // [The Proceedings of the Arctic Institute]. – T. LXII. – L., 1936. – P. 105–123. (in Russian)
- Zadorin V. I. Iz istorii pohoda chukchej v kommunizm i obratno. [From the history of the campaign in the Chukchi communism and back] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 127–130. (in Russian)
- Zadorin V. I. Kollektivizacija po-chukotski. [Collectivization in Chukchi] // Mir Severa [World of the North]. – 2011. – № 1. – P. 20–27 (in Russian)
- Zuev A. S. Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraja polovina XVII – XVIII vek). [The Joining of Chukotka to Russia (the second half of the XVII-XVIII centuries)]. – Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2009. – 444 p. (in Russian)
- Istorija i kul'tura chukchej. Istoriko-etnograficheskie očerki. [The History and culture of the Chukchi. Historical and ethnographic essays]. – L.: Nauka, 1987. – 287 p. (in Russian)
- Istorija Chukotki s drevnejshih vremen do nashih dnej. [The Chukotka history from the ancient times to the present day]. – M.: Mysl', 1989. – 492 p. (in Russian)
- Komoedov A. I. O prostranstvennoj organizacii olenevodstva Chukotskogo avtonomnogo okruga. [About the spatial organization of reindeer breeding of Chukotka Autonomous Area] // Magadanskii olenevod [Magadan reindeer breeder]. – 1983. – № 35. – P. 34–36. (in Russian)
- Krupnik I. I. Arkticheskaja jetnoekologija. [Arctic ethnoecology]. – M.: Nauka, 1989. – 272 p. (in Russian).
- Krupnik I. I., Vahtin N. B. Nauchnyj otchet po teme «Jekologicheskie izmenenija i narodnye znanija v Sibiri i na Aljaske (Razdel «Chukotka»). [The Scientific report on "The Environmental changes and people's knowledge in Siberia and Alaska (The Section "Chukotka")]. – Saint-Petersburg, 1996. – 53 p. (in Russian).
- Kuznecova V. G. Materialy po prazdnikam i obrjadam amgujemskih olennyh chukchej. [The Materials on holidays and rites of the Amguema deer Chukchi]. // Trudy instituta etnografii: Novaya seriya. Sibirskii etnograficheskii sbornik. [The Proceedings of the Institute of Ethnography: New series. The Siberian ethnographic collection]. – T. XXXV. – № II. – M.; L., 1957. – P. 263–326. (in Russian)
- Kulikova I. V. Olen' – v jazyke, v zhizni i v dushe chukchej. [Deer – in language, in life and in soul the Chukchi]. – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Lemma", 2016. – 214 p. (in Russian)
- Leont'ev V. V. Osobennosti kul'turno-hozjajstvennogo razvitija narodnostej Chukotki na sovremennom jetape (1958–1967 gg.). Okonchatel'nyj otchet (Arhiv laboratorii istorii i jekonomiki (g. Anadyr') SVKNII DVO RAN. Inv. № 838). [The Specifics of the cultural and economic development of the peoples of Chukotka at the present stage (in 1958–1967 gg.). The final report). The Archives of the laboratory of history and economy (Anadyr) NEISRI FEB RAS. Inv. № 838)]. – Magadan, 1969. – 300 p. (in Russian)

- Materialy po zemleustrojstvu Krajnego Severa. – T. II. Markovskij i Anadyrskij rajony Chukotskogo Okruga. [The Materials on the Land Management in the Far North. – T. II. The Markowski and Anadyrski District areas of the Chukotian District]. – M.: Poligrafkniga, 1938. – 211 p. (in Russian)
- Mihajlova E. A.* Skitanija Varvary Kuznecovoj. Chukotskaja jekspedicija Varvary Grigor'evny Kuznecovoj. 1948–1951 gg. [The Wanderings of Varvara Kuznetsova. The Chukotka expedition of Varvara Grigorjevna Kuznetsova. 1948–1951]. – Saint-Petersburg, 2015. – 190 p. (in Russian)
- Nuvano V. N.* Tragedija v selah Berezovo i Vaegi. 1940, 1949. [The tragedy in the villages Beryozovo and Vaegi. 1940, 1949] // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 85–90. (in Russian)
- Nuvano V. N.* Tradicionnye marshruty kochevanija olenevodov Vostochnoj i Central'noj Chukotki. [The Traditional nomadic routes of the reindeer herders of the East and Central Chukotka] // Orientiry razvitiya Beringii v XXI v. Trudy ChF SVKNII. [The Landmarks of Beringia development in the XXI century. The Proceedings of the Chf NEISRI]. – Magadan: Chf SVKNII DVO RAN, 2004. – № 8. – P. 180–190. (in Russian)
- Obruchev S. V.* Po goram i tundram Chukotki. Jekspedicija 1934–1935 gg. [On the mountains and tundra of Chukotka. The Expedition of 1934–1935. Magadan]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – 239 p. (in Russian)
- Olsuf'ev A. V.* Obshhij ocherk Anadyrskoj okrug, ee jekonomicheskogo sostojanija i byta naselenija. [A general outline of the Anadyr district, its economic status and living conditions of the population]. – Saint-Petersburg: tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1896. – 245 p. (in Russian)
- Omrythjeut Z. G.* Vosstanie chukotskih olenevodov. [Revolt of the Chukchi reindeer breeders] // Literaturnaya Rossiya. [Literary Russia]. – 1997. – № 30. – P. 11. (in Russian)
- Omrythjeut Z. G.* Jeho Berezovskogo vosstanija. Ochevidcy o sobytijah 1940 i 1949 gg. [The Echo of the Berezovsky uprising. Eyewitnesses of the events in 1940 and 1949 gg.]. // Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. [By the Bogoras' Path. The Scientific and literary materials]. – M.: Institut Nasledija, 2008. – P. 91–94. (in Russian)
- Polevye materialy avtorov. [The field materials of the authors]. (in Russian)
- Pomishin S. B.* Proishozhdenie olenevodstva i domestikacija severnogo olenja. [Proiskhozhdeniye of reindeer breeding and reindeer domestikation]. – M.: Nauka, 1990. – 141 p. (in Russian)
- Orlovskij P. N.* God anadyrsko-chukotskogo olenevoda. [The Year of the Anadyr-Chukchi reindeer herder] // Severnaya Aziya. [The Northern Asia]. – 1928. – № 2. – P. 61–70. (in Russian)
- Resin A. A.* Ocherk inorodcev Russkogo poberezh'ja Tihago Okeana. [The essay of the foreigners of the Russian coast of the Pacific Ocean]. – Saint-Petersburg: Tipografija A. S. Suvorina, 1888. – 78 p. (in Russian)
- Sergeev M. A.* O stat'e I. S. Arhincheeva «Materialy dlja harakteristiki social'nyh otnoshenij chukchej v svjazi s socialisticheskoj rekonstrukciej hozjajstva». [About article I.S. Arhincheeva "Materials for the characteristic of the social relations the Chukchi in connection with socialist reconstruction of economy"] // Trudy instituta etnografii: Novaya seriya. Sibirskii etnograficheskii sbornik. [The Proceedings of the Institute of Ethnography: New series. The Siberian ethnographic collection]. – T. XXXV. – № II. – M.; L., 1957. – P. 38–43. (in Russian)
- Syroechkovskij E. E.* Severnyj olen'. [Reindeer]. – M.: Agropromizdat, 1986. – 256 p. (in Russian)
- Tan-Bogoraz V. G.* Chukotskij obshhestvennyj stroj po dannym fol'klora. [The Chukchi social order according to folklore] // Sovetskij Sever. [The Soviet North]. – 1930. – № 6. – P. 63–79. (in Russian)
- Ustinov V. I.* Olenevodstvo Magadanskoj oblasti. Sostojanie i perspektivy razvitija. [The reindeer herding of the Magadan region. The state and development prospects]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. – 128 p. (in Russian)
- Ustinov V. I.* Olenevodstvo na Chukotke. [The Reindeer herding in Chukotka. Magadan]. – Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 160 p. (in Russian)
- Hahovskaja L. N.* Olenevodcheskie hozjajstva Chukotki v 1930-h gg.: social'nye i jetnokul'turnye transformacii. [Reindeer-breeding farms of Chukotka in the 1930th: social and ethnocultural transformations] // VIII Dikovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiju obrazovaniya Magadanskoj oblasti / otv. red. A. I. Lebedintsev. [VIII Dikovsky readings: Materials of the scientific and practical conference devoted to the 60 anniversary of formation of the Magadan region / otv. edition A. I. Lebedintsev]. – Magadan: OOO «Tipografija», 2014. – P. 40–46. (in Russian)
- Hahovskaja L. N.* Sovetskaja modernizacija olenevodstva v otdalennyh severnyh regionah (na primere Anadyrskogo rajona Chukotki). [The Soviet modernization of reindeer breeding in the remote northern regions (on the example of the Anadyr region of Chukotka)] // Etnograficheskoe obozrenie. [The Ethnographic review] – 2011. – № 6. – P. 112–127. (in Russian)
- Sharypova A. N.* Chukotka – sud'ba moja. [Chukotka – my destiny]. – Saint-Petersburg: izdatel'stvo Lemma, 2017. – 348 p. (in Russian)

Kolomiets O. P., PhD (History), leading researcher.

**North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch,
Russian Academy of Sciences.**

Ul. Portovaja, 16, Magadan, Russia, 685000.

E-mail: okkolo@mail.ru

Nuvano V. N., research associate.

**North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N. A. Shilo Far East Branch,
Russian Academy of Sciences.**

Ul. Portovaja, 16, Magadan, Russia, 685000.

E-mail: vlad_nuvano@mail.ru